Натаниель ГОТОРН

КНИГА ЧУДЕС

Иллюстрации Уолтера Крейна

Натаниель Готорн
Книга чудес

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7396264
Книга чудес: Олма Медиа; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-05270-2

Аннотация

Книгу под названием «Книга чудес» написал Натаниель Готорн – один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы (1804–1864). Это не сборник, а единое произведение, принадлежащее к рангу всемирно известных классических сочинений для детей. В нем Н. Готорн переложил на свой лад мифы античной Греции. Эту книгу с одинаковым увлечением читают в Америке, где она появилась впервые, и в Европе. Читают, как одну из оригинальнейших и своеобразных книг.

Содержание

Предисловие 4
Голова Горгоны 7
Терраса Тэнглвуда. Предисловие к «Голове Горгоны» 7
Голова Горгоны 10
Терраса Тэнглвуда. Послесловие 26
Золотое прикосновение 27
Тенистый ручей. Предисловие к «Золотому прикосновению» 27
Золотое прикосновение 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Натаниель Готорн
Книга чудес

Предисловие

Автор давно и неколебимо убежден, что классические мифы – если не все, то многие из них – вполне доступны пониманию детей и, обработанные соответствующим образом, могут послужить для них в качестве поучительного чтения. С этим намерением он переработал десяток античных легенд и ныне предлагает плод своих трудов вниманию публики. Бесспорно, что для достижения поставленной цели ему потребовалась изрядная свобода обращения с материалом, как бесспорно и то, что, несмотря на все ухищрения, никакие временные наслоения и обстоятельства совершенно не отразятся на самих мифах, в чем удостоверится каждый, кто рискнет отлить их в новой форме, переплавив в горниле собственной интеллектуальности. Такой человек вскоре убедится, что те изменения, которые неизбежно меняют облик почти всего сущего, никак их не затронут и они в своей сути останутся прежними.

Поэтому автор не признает себя виновным за то якобы святотатство, какому он, идя порой на поводу своего воображения, подверг форму, в которую были отлиты эти легенды во времена глубокой античности, два или три тысячелетия назад. Ни одна эпоха не может заявить свое бесспорное авторское право на эти бессмертные творения. Да и вообще, такое впечатление, что их никто никогда не творил, а потому автор нисколько не сомневается, что, пока существует человечество, они не потеряют своей значимости, хотя; именно в силу их несокрушимости, каждая эпоха законным образом будет наделять их особыми, свойственными лишь этой эпохе, манерами и сантиментами, и насыщать своей моралью. Возможно, в нынешнем виде они несколько утратили свой классический стиль (или автор в силу своей невнимательности не сумел сохранить его) и приобрели кое-какие готические или романтические черты.

Занимаясь этим приятным трудом – а это и в самом деле был приятный, хотя, с учетом жаркой погоды, нелегкий литературный труд, – автор не всегда находил уместным переделывать либо упрощать текст, дабы приспособить его к детскому восприятию. Нет, автор в общем и целом никак не влиял на развитие темы, позволяя ей свободно воспарять к высотам духа, если к тому намечалась тенденция и если он сам был достаточно увлечен, чтобы следовать ей, не прилагая к тому особых усилий. Дети обладают бесценной восприимчивостью ко всему глубокому и высокому, что бы то ни было – воображение или чувство, и не утрачивают этой восприимчивости, пока высокое облечено в простую форму. Если что и сбивает их с толку, то только искусственная сложность.

Ленокс, 15 июля 1851 г.

Голова Горгоны

Терраса Тэнглвуда. Предисловие к «Голове Горгоны»

В одно прекрасное осеннее утро на террасе помещичьего дома Тэнглвуд собралась веселая компания детей с высоким юношей во главе. Малыши решили отправиться в лес за орехами, а потому с нетерпением ожидали минуты, когда туман над верхушками холмов наконец рассеется, чтобы дать солнцу излить зной бабьего лета на поля, леса и пастбища. Все обещало чудесный, радующий взоры день, хотя густая мгла полностью заволакивала долину, над которой на пологом холме стоял дом.

Белая завеса тумана, начинавшаяся менее чем в ста ярдах[1] от дома, совершенно скрывала все предметы, за исключением возвышавшихся кое-где красновато-желтых верхушек деревьев, которые, как и кромка туманной завесы, уже были озарены лучами солнца. В четырех или пяти милях к югу высилась окутанная облаками вершина Моньюмент Маунтин[2], а далее, милях в пятнадцати в том же направлении неясно вырисовывался еще более грандиозный голубой купол Таконика[2] почти такой же призрачный, как и то море мглы, которое его окружало. Ближайшие холмы, окаймлявшие долину, тонули в клубах тумана и, казалось, были испещрены клочьями облаков. Мглистые волны, почти скрывавшие поверхность земли, делали окружающий мир призрачным и фантастическим.

Вскоре как всегда веселая и жизнерадостная детвора покинула террасу: одни принялись бегать по усыпанной мелким гравием аллее, другие резвились на влажной от росы лужайке. Я затруднился бы точно определить, сколько их всего было: во всяком случае, не менее девяти-десяти и не более двенадцати мальчиков и девочек самой разнообразной наружности, роста и возраста. Большинство из них приходились друг другу родными или двоюродными братьями и сестрами, а несколько были приглашены семейством Прингл навестить детвору Тэнглвуда и насладиться прекрасной погодой. Я не решаюсь сказать вам, как их звали, и даже вообще дать им какие-либо имена, как это обыкновенно делается, так как слишком хорошо знаю, что иногда авторы терпят большие неприятности, случайно давая имена живых людей героям своих произведений. Поэтому я назову их так: Мальва, Барвинок, Черника, Маргаритка, Резеда, Астра, Подорожник и Лютик, хотя, несомненно, такие имена более подходят собранию фей, чем обыкновенным детям.

---

[1] *Ярд* – британская и американская единица измерения расстояния, равная 0,91 метра.

[2] *Моньюмент Маунтин и Таконик* – горы на востоке штата Нью-Йорк.

[2] *Моньюмент Маунтин и Таконик* – горы на востоке штата Нью-Йорк.

Не следует думать, что родители или родственники этих детей позволяли им бродить по лесам и полям без всякого присмотра. О нет! Еще в самом начале своей книги, как вы, вероятно, помните, я упомянул о некоем высоком юноше. Его имя (я, пожалуй, сообщу вам его настоящее имя, так как он очень гордится историями, которые вам предстоит прочитать) было Юстес Брайт. Он учился в Уильям-колледже и, так как к этому времени ему было уже около восемнадцати лет, пользовался большим уважением Барвинка, Одуванчика, Черники, Резеды, Астры и остальных детей, достигших только половины или даже трети этого возраста. Слабость зрения, которую некоторые учащиеся считают наилучшим доказательством их усердия в науках, задержала молодого человека в Тэнглвуде на одну или две недели после начала занятий, хотя, говоря откровенно, я редко у кого встречал глаза лучше, чем у Юстеса Брайта.

Этот стройный и бледный, как и все школьники Америки, юноша отличался здоровым и таким добродушным видом, что могло показаться, будто он приделал крылышки к своим непромокаемым сапогам из толстой кожи, незаменимым при ходьбе через ручьи и болота, которые он очень любил. На молодом человеке была полотняная блуза и мягкая суконная шляпа, наряд дополняли синие очки, которые Брайт носил, по-видимому, не столько из-за слабости зрения, сколько для придания себе важности. Во всяком случае, он мог отлично обходиться без них, что и доказала маленькая проказница Черника. Улучив минуту, когда Юстес сидел на ступеньках террасы, она подкралась к нему сзади и, сорвав очки с его носа, нацепила на свой собственный. Вскоре после этого очки очутились на траве и, так как Брайт совершенно забыл про них, преспокойно пролежали там до следующей весны.

Нужно вам сказать, что Юстес Брайт славился среди детей, как рассказчик чудесных сказок. Правда, временами, когда дети особенно настойчиво приставали к нему, требуя все новых историй, он делал вид, что недоволен этим, хотя вряд ли существовало занятие, которое нравилось бы ему более. Во всяком случае, глаза его сразу заблестели, когда Клевер, Папоротник, Маргаритка, Лютик и другие стали просить, чтобы он рассказал им какую-нибудь сказочку, пока туман еще не рассеялся.

– Да, кузен Юстес, – сказала Мальва, бойкая белокурая девочка лет двенадцати с веселыми глазками и чуть вздернутым носиком, – утро, конечно, наилучшее время для рассказов, которыми вы нам так часто надоедаете. Во всяком случае, вряд ли все заснут на самом интересном месте, как мы с Маргариткой вчера вечером!

– Противная Мальва, – воскликнула Маргаритка, девочка лет шести, – я вовсе не думала спать: я только закрыла глаза, чтобы яснее видеть то, о чем рассказывал кузен Юстес. Его истории одинаково хорошо слушать и днем, и на ночь. На ночь, потому что тогда легко увидеть услышанное во сне, а утром, потому что потом мы весь день можем думать о них. Я надеюсь, что он и сейчас расскажет нам что-нибудь.

– Спасибо, моя маленькая Маргаритка, – сказал Юстес. – Конечно, я расскажу вам самую интересную историю, какую только смогу придумать, хотя бы для того, чтобы защитить себя от этой противной Мальвы. Но, дети, я уже рассказал вам столько волшебных сказок, что сомневаюсь, осталась ли хоть одна, которой вы бы не слышали по меньшей мере дважды. Я боюсь, что вы действительно заснете, если я вздумаю повторить что-нибудь из прежнего.

– Нет, нет, нет! – воскликнули Василек, Барвинок, Подорожник и остальные. – Сказка нравится нам гораздо больше, если мы слышим ее во второй или третий раз.

И действительно, не раз замечалось, что от многократных повторений занимательность сказки для детей только усиливается. Но Юстес Брайт, гордый своим запасом историй, не захотел воспользоваться возможностью, за которую с радостью ухватился бы более опытный рассказчик.

– Было бы очень жаль, – произнес он, – если бы человек с моими познаниями, не говоря уже о природной фантазии, не сумел каждый день из года в год находить новые сказки для таких детей, как вы. Сегодня я расскажу вам одну из сказок, написанных для нашей прабабушки Земли, когда она была еще ребенком и ходила в детском платьице и передничке. Таких сказок – сотня, и меня удивляет, что их давным-давно не напечатали в книгах с картинками для маленьких девочек и мальчиков. Вместо этого старики изучают их по заплесневелым греческим книгам, ломая себе голову над тем, когда, как и для чего они были сочинены.

– Отлично, отлично, дорогой кузен Юстес! – хором закричали дети. – Хватит об этом! Начинайте же рассказывать.

– Ну так садитесь рядом, – скомандовал Юстес Брайт, – и будьте смирны, как мыши. При малейшем шуме, кто бы его не произвел, противная Мальва, маленький Одуванчик или кто-то другой, я перекусываю нить сказки и проглатываю остальную часть. Итак, прежде всего, знает ли кто-нибудь из вас, что такое Горгона?

– Я знаю! – отозвалась Мальва.

– Придержите пока ваш язычок! – заметил Юстес, который предпочитал, чтобы никто ничего не знал. – Ну, а теперь внимание: я расскажу вам очень интересную сказку о голове Горгоны.

И Юстес начал рассказ, который вы можете прочесть на следующих страницах. Юноша пустил в ход всю свою ученость и находчивость, однако особо не церемонился с классическими авторитетами, всякий раз, как того требовала его смелая фантазия.

Голова Горгоны

Персей был сыном царской дочери Данаи. Когда он был еще младенцем, злые люди посадили его вместе с матерью в ящик и пустили ящик по морю. Дул свежий ветер, и бурные волны, яростно подбрасывая ящик, отнесли его далеко от берега. Крепко прижав мальчика к своей груди, Даная с ужасом ожидала, что вот-вот какой-нибудь из бешено катившихся валов навсегда скроет их под своим пенистым гребнем. Однако ящик понемногу плыл вперед, сильно покачиваясь, но не опрокидываясь. С наступлением ночи он очутился так близко от берега, что запутался в рыбачьих сетях и был благополучно вытащен на землю, оказавшуюся островом Серифом. Этот остров находился под властью царя Полидекта, который был братом рыбака, вытащившего ящик.

К счастью, спаситель Данаи отличался необычайной добротой и сердечностью. Он оказал Данае и ее маленькому сыну тысячи услуг и всячески помогал им, пока Персей не стал красивым, сильным и ловким юношей и не научился искусно владеть оружием.

Так как царь острова Полидект отнюдь не обладал добротою и благородством своего брата, а, напротив, отличался злобным характером, немудрено, что он решил поручить Персею дело, в котором бы тот неминуемо лишился жизни. А освободившись от Персея, Полидект мог безнаказанно обижать Данаю. Долго придумывал жестокосердный царь, что бы такое поручить отважному юноше, и, наконец, найдя то, что искал, немедленно послал за Персеем.

Юноша явился в царские чертоги и предстал перед царем Полидектом.

– Персей, – сказал царь с лукавой усмешкой, – вот ты и стал взрослым мужчиной. Ты, конечно, помнишь, сколько участия мы с братом проявили к тебе и твоей достойной матери, а потому я надеюсь, что ты не откажешься хоть чем-то отплатить мне за это.

– Приказывай, царь! – воскликнул Персей. – Ради этого я охотно пожертвую жизнью!

– Хорошо, – продолжал Полидект все с той же хитрой улыбкой, – я хочу предложить тебе взяться за одно довольно опасное дело: такой храбрый юноша, как ты, должен считать большим счастьем, если ему представляется удобный случай отличиться. Дело в том, Персей, что я намерен жениться на прекрасной царевне Гипподамии, а потому должен сделать ей изысканный свадебный подарок. Откровенно признаюсь, я долго думал, где мне достать такой свадебный дар, который бы угодил прихотливому вкусу царевны, но сегодня утром я понял, что мне надо.

– И я могу помочь тебе добыть это? – пылко воскликнул Персей.

– Можешь, если только ты такой храбрый юноша, как я думаю, – доброжелательно проговорил Полидект. – Я хочу, чтобы свадебным даром прекрасной Гипподамии стала голова Медузы Горгоны со змеями вместо волос, и надеюсь, что ты добудешь ее мне. Время не терпит, и чем скорее ты отправишься на поиски Горгоны, тем лучше.

– Я пойду завтра утром, – ответил Персей.

– Я буду очень рад этому, храбрый юноша, – сказал царь. – Но помни, Персей, что тебе придется нанести очень ловкий удар, чтобы не повредить голову Горгоны. Ты должен принести мне ее такой, чтобы она удовлетворила изысканный вкус царевны Гипподамии.

Едва Персей покинул дворец, Полидект разразился громким смехом: злой царь был доволен, что юноша так легко попался в западню.

Вскоре всем стало известно, что Персей хочет добыть голову Медузы со змеями вместо волос, и так как большинство жителей острова были такими же злыми людьми, как и сам царь, всех очень обрадовала мысль о неминуемой гибели Данаи и ее сына. Опечалился лишь спасший их рыбак, который был чуть ли не единственным добрым человеком на всем

Серифе. Когда Персей тронулся в путь, все, смеясь и подмигивая друг другу, стали указывать на него пальцами. Некоторые громко кричали ему вслед:

– Смотрите, вот человек, которого растерзает Медуза!

Нужно вам сказать, что в то время в Греции жили три Горгоны, которые, без сомнения, были самыми странными и опасными из всех чудовищ, когда-либо существовавших на земле. Я затруднился бы определить, к какому роду существ следует отнести этих странных сестер, которые имели некоторое, правда весьма отдаленное, сходство с женщинами и в то же время были сродни свирепым и кровожадным драконам. Во всяком случае, трудно представить себе что-нибудь более злое и ужасное, нежели Горгоны. На головах у них вместо волос вились целые сотни отвратительных змей, высовывавших ядовитые языки с раздвоенными на конце жалами. Длинные и острые клыки торчали из пастей Горгон; руки у них были медные, а туловище сплошь покрыто такой твердой и непроницаемой чешуей, словно она была сделана из железа. А вот крылья у Горгон были чрезвычайно красивы: каждое перышко горело и сверкало чистым золотом, особенно когда на него падали лучи солнца.

Но тот, кому доводилось случайно увидеть Горгон, никогда не останавливался, чтобы полюбоваться сиянием их крыльев, а бежал без оглядки и старался спрятаться понадежней.

Может быть, вы думаете, что люди боялись ядовитых змей, заменявших Горгонам волосы, их острых клыков и медных когтей? Всё это, несомненно, могло внушать страх, но не в этом заключалась главная опасность встречи с ними. Ужасные Горгоны могли мгновенно превратить в холодный, безжизненный камень всякого смертного, осмелившегося взглянуть им в лицо!

Теперь вы сами видите, сколь опасным было поручение, придуманное для простодушного юноши царем Полидектом. Сам Персей, основательно все обдумав, понял, что у него весьма мало надежды на благополучный исход предприятия и гораздо больше возможностей превратиться в камень, нежели принести царю голову Медузы. Осознание этого могло привести в отчаяние и более опытного человека, нежели Персей. В самом деле, ему предстояло не только убить златокрылое, чешуйчатое, меднолапое чудовище, но еще и сделать это с закрытыми глазами или ни разу не взглянув на врага, с которым придется сражаться. Стоило Персею поднять руку для удара, глядя на противника, как он тотчас был бы превращен в каменное изваяние, которое сотни лет простояло бы с поднятой рукой и, в конце концов, рассыпалось от ветра и непогоды. Такой исход был, разумеется, очень не по вкусу храброму юноше, намеревавшемуся совершить в будущем великое множество разных подвигов и насладиться всем счастьем, которое может даровать этот мир.

Персей так упал духом от этих размышлений, что не решился сообщить матери о своем предприятии. Украдкой взяв щит и опоясавшись мечом, он переправился на противоположный пустынный берег. При одной мысли о том, что его ожидало, Персей едва сдерживался от рыданий.

– Почему ты так печален, Персей? – внезапно раздался рядом с юношей чей-то голос.

Подняв голову и отняв руки от лица, Персей увидел, что перед ним стоит молодой человек, веселый и бойкий на вид, с необычайно проницательным взглядом. На плечах незнакомца был плащ, на голове – какая-то странная шапочка, в руках он держал причудливо изогнутый жезл. Висевший на боку короткий и кривой меч дополнял наряд. Фигура юноши дышала необычайной ловкостью и гибкостью, свойственной человеку, который привык к гимнастическим упражнениям и любил бегать и прыгать. Незнакомец казался таким смелым, решительным и в то же время ласковым (хоть и с некоторым оттенком лукавства), что Персей при первом же взгляде на него совершенно приободрился. Отважному юноше, каким он был на самом деле, стало стыдно, что его, словно боязливого ребенка, застали со слезами на глазах, хотя в сущности еще рано было отчаиваться. Персей торопливо смахнул слезы и, как только мог, бойко и весело отвечал незнакомцу:

– Я совсем не печален. Просто я все время думаю о поручении, которое взялся выполнить.

– Вот как. Хорошо, расскажи мне обо всем подробнее, – произнес юноша – Возможно, я смогу помочь тебе. Ведь я помогал многим людям в делах, казавшихся сначала необычайно трудными. Ты, наверное, не раз слышал обо мне. Правда, у меня много имен, но имя Ртуть нравится мне больше других. Рассказывай же, чем ты так озабочен, а потом мы обсудим все сообща и будет видно, что следует предпринять.

Слова незнакомца вселили в Персея надежду, и он решил откровенно рассказать обо всем, чтобы новый друг мог дать ему совет, который приведет дело к благополучному исходу. Юноша рассказал, что царь Полидект решил преподнести голову Медузы Горгоны в дар прекрасной царевне Гипподамии и что он, Персей, взялся достать ее, хотя и боялся оказаться превращенным в камень.

– Да, это было бы очень печально, – произнес Ртуть с лукавой усмешкой. – Положим, из тебя вышла бы превосходная мраморная статуя, которая простояла бы много веков, прежде чем рассыпаться на мелкие куски, но лучше хоть несколько лет побыть юношей, чем целые века – каменным изваянием.

– Еще бы! – воскликнул Персей, на глазах которого опять показались слезы. – Что стала бы делать моя мать, узнав, что ее единственный сын превращен в камень?

– Ну, довольно, довольно. Будем надеяться на лучшее, – подбодрил юношу Ртуть. – Я именно тот человек, который может тебя выручить. Мы с сестрой приложим все усилия, чтобы ты вышел целым и невредимым из этого, откровенно говоря, очень опасного предприятия.

– С сестрой? – переспросил Персей.

– Ну да, у меня есть сестра, – сказал незнакомец. – Она очень мудрая женщина, уверяю тебя. Если ты будешь смелым и благоразумным и прислушаешься к нашим советам, тебе нечего опасаться быть превращенным в камень… Но к делу: прежде всего ты должен отполировать свой щит так, чтобы твое лицо отражалось в нем, как в зеркале.

Эти слова показались Персею очень странными, так как он полагал, что в первую очередь щит должен быть достаточно крепким, чтобы защищать от медных когтей Горгоны, а не идеально гладким, чтобы смотреться в него, будто в зеркало. Решив, однако, что Ртуть дал такой совет недаром, юноша немедленно принялся за дело и вскоре так старательно отполировал щит, что тот стал блестеть не хуже луны во время полнолуния.

С улыбкой осмотрев работу Персея и одобрительно кивнув, Ртуть снял с пояса изогнутый меч и вручил его юноше.

– Ни один меч, кроме этого, не годится для поединка с Горгонами, – заметил он. – Его превосходный клинок разрезает железо и медь, словно тоненький прутик. Ну, а теперь мы тронемся в путь. Прежде всего, необходимо разыскать трех грай, которые скажут нам, где найти нимф.

– Трех грай! – воскликнул Персей, услышав об очередном препятствии к достижению цели. – А это кто такие? Я о них никогда не слышал.

– Это просто три удивительные старухи, – рассмеялся Ртуть. – У них один глаз и один зуб на всех. Увидеть их можно только в сумерки или вечером при блеске звезд, так как они никогда не показываются при солнечном или лунном свете.

– Но зачем же нам тратить время на этих старух? – возразил Персей. – Не лучше ли сразу пуститься на поиски Горгоны?

– Нет, нет! – отвечал его новый друг. – Нам предстоит много дел, прежде чем мы доберемся до Горгон. А найти старух крайне необходимо. Когда мы встретимся с ними, до Горгон будет рукой подать.

К этому времени Персей уже настолько уверовал в проницательность и ум своего товарища, что перестал возражать и заявил, что готов идти. Они немедленно тронулись в путь, причем Ртуть шел так быстро, что вскоре Персею стало очень трудно поспевать за ним. Юноше не раз казалось, что его спутнику помогают двигаться крылатые башмаки, а когда Персей искоса поглядывал на Ртуть, ему чудилось, что крылья есть и на голове товарища. Однако стоило Персею присмотреться внимательнее, как крылья оказались причудливой шапочкой. А вот витой жезл без всяких сомнений очень помогал Ртути… Обыкновенно такой проворный и неутомимый, вскоре Персей выбился из сил.

– Возьми-ка мой жезл! Похоже, ты нуждаешься в нем гораздо больше меня! – воскликнул Ртуть (этот плут уже давно заметил, как трудно Персею следовать за ним). – Да, не осталось на острове Сериф скороходов…

– Я бы ходил не хуже, чем ты, если бы у меня были крылатые башмаки, – сказал Персей, бросая лукавый взгляд на ноги товарища.

– Что ж, нужно будет позаботиться о паре для тебя, – ответил Ртуть.

Жезл очень пригодился Персею, он сразу перестал чувствовать усталость. Казалось, причудливо изогнутый жезл не только наделен какой-то странной силой, но и отдает часть этой силы юноше. Теперь Персей и Ртуть, мирно беседуя, быстро продвигались вперед, причем Ртуть рассказывал столько занимательных историй о приключениях, в которых ему приходилось пускать в ход всю свою хитрость и изворотливость, что Персей стал считать его удивительным человеком. Ртуть хорошо знал жизнь, а существует ли что-либо более важное для юноши, чем друг, обладающий подобным знанием. Персей внимательно слушал своего спутника, в надежде набраться у него ума-разума.

Вдруг Персей вспомнил, что Ртуть упоминал сестру, которая могла им помочь.

– Где же твоя сестра? – спросил он. – Скоро ли мы ее встретим?

– Всему свое время, – отвечал Ртуть. – Кстати, надо тебе сказать, что моя сестра совершенно не похожа на меня: она очень серьезна и благоразумна, улыбается редко, никогда не смеется и предпочитает не говорить ни слова, если не готова сказать нечто дельное. Да и пустые разговоры она слушать не будет.

– Неужели! – воскликнул Персей. – Я буду бояться слово при ней сказать.

– Она хорошо воспитана, уверяю тебя, – продолжил Ртуть, – и знает всевозможные искусства и науки как свои пять пальцев. Она так умна, что многие люди называют ее воплощенной мудростью. Но, говоря откровенно, по-моему, ей недостает живости, и я думаю, что она не показалась бы тебе таким приятным спутником, как я. Впрочем, некоторые ее достоинства несомненно пригодятся нам, когда мы встретимся с Горгонами.

Между тем стало смеркаться, и наши путники вышли на поляну, поросшую колючим кустарником. Место было таким безмолвным и мрачным, что невольно казалось, будто никто никогда здесь не проходил и не жил. Впечатление это усиливал серый сумрак, сгущавшийся с каждой минутой. Персей недоуменно огляделся и спросил Ртуть, долго ли им осталось идти.

– Тс!.. Тише, – отвечал его товарищ. – Именно здесь и сейчас мы можем встретить грай. Будь осторожен, главное, чтобы они не увидели тебя, прежде чем ты их увидишь: хотя у них только один глаз на троих, но он может заменить с полдюжины обыкновенных.

– Что же я должен делать, когда мы их встретим? – спросил Персей.

В ответ на это Ртуть стал объяснять Персею, почему этим женщинам хватает одного глаза на троих. Они попросту передают его на время друг другу, словно очки или лорнет. Лишь только у одной из них истекает время пользоваться глазом, как она вынимает его из глазницы и передает той, чья очередь наступила, причем последняя немедленно пристраивает глаз на место, спеша бросить взгляд на мир.

Теперь, надеюсь, всякому станет понятно, что только одна из грай была зрячей, между тем как остальные две были погружены в глубокий мрак. А в минуту перехода глаза из рук в руки все трое не видели ничего.

Есть много странностей на свете, и я тому свидетель, но, по-моему, ничто не может сравниться с историей о грайях, у которых был один глаз на троих.

Вероятно, так думал и Персей. Юноша был чрезвычайно удивлен рассказом товарища и подумал было, что Ртуть решил подшутить над ним, так как, по его мнению, на свете не могло быть ничего подобного.

– Скоро ты сам поймешь, правду я говорю или нет, – заметил Ртуть. – Слушай же, тс-с-с, тише! Они идут сюда!

И действительно, вглядываясь в сгущавшийся ночной мрак, Персей увидел неподалеку от себя трех грай. Хорошенько рассмотреть их фигуры ему не удалось, он только заметил, что у них длинные седые волосы. Лишь когда женщины подошли ближе, Персей увидел, что у двух из них вместо глаз зияли пустые глазницы, зато во лбу у третьей, подобно алмазу в оправе, сверкал огромный, блестящий глаз. Он так ярко сиял в темноте, что Персей невольно подумал, будто этот глаз дарует своему обладателю способность видеть ночью так же, как днем. В нем одном была заключена сила зрения трех человек.

А три старухи уверенно шли вперед, как будто все были зрячими. Та, у которой в данную минуту был глаз, вела за руки остальных, поминутно оглядываясь по сторонам. Персей испугался, как бы она не заметила его в густых зарослях кустарника, куда он спрятался вместе с Ртутью.

Однако прежде чем они достигли кустарника, одна из старух громко сказала:

– Сестра, сестра Пугало! Ты держала у себя глаз очень долго. Теперь моя очередь!

– Оставь его мне еще на минутку, сестра Кошмар, – отвечала Пугало. – Мне кажется, я что-то заметила в тех кустах.

– Ну и что из этого? – буркнула Кошмар. – Я тоже могу осмотреть кустарник. Глаз у нас общий, и он служит мне не хуже, а возможно, и лучше, чем тебе. Во всяком случае, я требую, чтобы ты немедленно отдала его мне.

Но тут подала голос третья сестра, которую звали Дрожь. Она стала утверждать, что сейчас глаз должен быть у нее, и что Пугало и Кошмар несправедливо присваивают его себе. Чтобы прекратить спор, Пугало вынула глаз и, держа его в руке, воскликнула:

– Хватит спорить! Пусть одна из вас возьмет глаз себе. Что касается меня, то я буду даже рада немного побыть в темноте. Берите скорее, а то я оставлю его у себя!

Кошмар и Дрожь разом протянули руки, спеша поскорее схватить вожделенный глаз, но так как обе они были слепы, им никак не удавалось нащупать руку сестры. Ну а сестра, в свою очередь, не могла найти их рук, ведь теперь она тоже стала незрячей. Старухи попали в весьма затруднительное положение: несмотря на то что глаз сиял и сверкал, подобно звезде, женщины не могли уловить ни малейшего его отблеска и, при всем желании прозреть, оставались во власти слепоты.

Глядя на Дрожь и Кошмар, наперебой старавшихся вырвать глаз у Пугала, Ртуть так развеселился, что с трудом удерживался, чтоб не расхохотаться.

– Теперь пора! – шепнул он Персею. – Ну, живо, живо! Прежде чем кто-нибудь из старух завладеет глазом, вырви его из рук Пугала!

Пользуясь тем, что старухи все еще продолжали ссориться, Персей выпрыгнул из-за кустов и выхватил глаз у Пугала. Чудесное око сияло в его руке и, казалось, лукаво смотрело на него и словно подмигивало, хотя у него и не было век. Что касается грай, то они, ничего не зная о случившемся и предполагая, что глаз находится у одной из них, продолжали спорить до тех пор, пока Персей не решился сказать им правду.

– Добрые женщины, – произнес он, обращаясь к старухам, – прошу вас, не сердитесь понапрасну. Если кто и виноват во всем случившемся, так только я. Сейчас ваш чудесный глаз находится у меня.

– Наш глаз у тебя? Но кто ты такой? – разом воскликнули грайи, ужасно напуганные как звуками незнакомого голоса, так и известием о том, что их глаз попал в чужие руки.

– Что же нам теперь делать, сестры? Что нам делать? Ведь мы ничего не видим. Отдай нам глаз, наш единственный драгоценный глаз: ведь у тебя и без того их целых два! Отдай нам глаз!

– Скажи им, – прошептал Персею Ртуть, – что они получат его немедленно, как только скажут, где найти нимф, у которых есть крылатые сандалии, волшебная сумка и шлем-невидимка.

– Добрые женщины, – начал Персей, обращаясь к старухам, – вам незачем бояться меня, я не сделаю вам ничего дурного. Вы получите ваш глаз целым и невредимым, если скажете мне, где найти нимф.

– Нимф! О горе нам, сестры! О каких нимфах ты говоришь? – воскликнула Пугало. – Ведь нимф очень много: одни занимаются охотой в лесах, другие живут в дуплах деревьев, третьи – в ручьях и источниках. Мы не можем быть знакомы со всеми. Мы всего лишь три несчастные старухи. У нас был один глаз на троих, но ты и его похитил. Отдай его нам, добрый человек, кто бы ты ни был, отдай его нам!

Во время этого разговора старухи тянули к Персею руки, пытаясь схватить его, но юноша благоразумно держался на некотором отдалении.

– Добрые женщины, – начал он (Даная учила сына всегда быть вежливым), – ваш глаз у меня, но я верну его вам, если вы скажете, где найти нимф, у которых есть волшебная сумка, крылатые сандалии и… Что еще? Ах, да – шлем-невидимка.

– Горе нам, сестры! Что говорит этот юноша? – одновременно воскликнули Пугало, Кошмар и Дрожь, очень искусно притворяясь изумленными. – О каких крылатых сандалиях он говорит? Да ведь у всякого, кто вздумал бы их надеть, ноги тотчас поднялись бы выше головы! И что это за шлем-невидимка? Разве какая-нибудь шапка, если только она не настолько велика, чтобы под ней можно было спрятаться, способна сделать кого-то невидимым? А что это за небылица о волшебной сумке? Нет, нет, добрый человек, мы никогда не слыхали о таких чудесных вещицах. Впрочем, у тебя ведь два глаза, а не один на троих, как у нас, поэтому ты скорее разыщешь эти чудеса, нежели мы.

Услыхав это, Персей готов был поверить, что грайи в самом деле ничего не знают о нимфах. Юноше стало неловко, что он без нужды причинил им столько беспокойства, и он уже собирался отдать им глаз и извиниться за случившееся, но Ртуть удержал его за руку.

– Не позволяй им одурачить себя, – настойчиво проговорил он. – Эти женщины – единственные существа во всем мире, способные указать тебе, где найти нимф. Если ты не узнаешь этого, тебе ни за что не удастся добыть голову Медузы Горгоны. Не отдавай глаз даром, и все закончится хорошо.

Персей последовал совету Ртути и правильно сделал: немного найдется на свете вещей, которыми бы люди дорожили больше, чем зрением. Грайи не были исключением из этого правила. Поняв, что другого средства вернуть глаз нет, они сообщили Персею все, что он хотел знать. Поблагодарив старух за оказанную услугу, Персей вернул глаз одной из них и отправился в путь. Однако прежде чем юноша успел отойти от них, все трое опять заспорили: оказалось, что Персей случайно отдал глаз Пугалу, которая пользовалась им последней.

Боюсь, у этих дам вошло в привычку ссориться и спорить по всяким пустякам. Странно, что они не научились жить в согласии, ведь они никогда не разлучались друг с другом и не могли обойтись одна без другой. Я бы посоветовал братьям и сестрам, молодым и старым, словом – всем, кому придется иметь «один глаз на троих», быть терпимее друг к другу и не пытаться завладеть им в одиночку.

Тем временем Ртуть и Персей пустились на поиски нимф. Благодаря чрезвычайно точным указаниям старух искать им пришлось недолго. Нимфы оказались существами, совершенно не похожими на Кошмар, Дрожь и Пугало. Это были прелестные юные создания: у каждой из них было по два глаза, и глаза эти ласково смотрели на Персея.

Казалось, нимфы уже были знакомы с Ртутью. Во всяком случае, когда он рассказал об отважном предприятии, задуманном Персеем, они немедленно выдали ему бесценные предметы, находившиеся под их охраной. Прежде всего они снабдили Персея маленькой, искусно вышитой замшевой сумкой, которую велели хранить, как зеницу ока: это и была волшебная сумка. Затем они принесли башмаки – точнее, сандалии с крошечными крылышками на пятках.

– Надень их, Персей, – сказал Ртуть, – и ты вмиг станешь быстроногим, как мечтал.

Персей принялся надевать одну сандалию, положив другую на землю, как вдруг сандалия распустила крылышки, вспорхнула вверх и, вероятно, улетела бы, если бы Ртуть, подпрыгнув, не поймал ее в воздухе.

– Будь внимательнее, – предостерег он, отдавая ее Персею. – Представь, как перепугались бы птицы, увидав порхающую среди них сандалию.

Надев обе сандалии, Персей сразу же почувствовал, как легки стали его движения. Стоило ему сделать пару шагов, как он очутился в воздухе, высоко над головами Ртути и нимф, откуда ему с большим трудом удалось спуститься на землю. Управлять крылатыми сандалиями оказалось очень сложно, особенно с непривычки. Ртуть очень смеялся над суетливостью своего товарища, советуя ему не торопиться и подождать шлем-невидимку.

Лишь только нимфы надели на Персея шлем с плюмажем из темных перьев, как произошло нечто удивительное, как, впрочем, и все, о чем я до сих пор рассказывал. Там, где за минуту до этого стоял прекрасный, румяный, златокудрый юноша с изогнутым мечом на боку и блестящим щитом в руках – живое воплощение храбрости, отваги и красоты, – теперь не было ничего, кроме воздуха! Исчез даже шлем.

– Где ты, Персей? – спросил Ртуть.

– Здесь, здесь! – раздался откуда-то из воздуха спокойный голос Персея. – Я там же, где и был. Ты меня видишь?

– Нет, – отвечал его друг, – тебя скрывает шлем-невидимка. Но если я тебя не вижу, значит, и Горгоны не смогут. Хорошо, ну а теперь я поучу тебя управляться с крылатыми сандалиями.

Сказав это, Ртуть взмыл в воздух. Крылышки на его шлеме затрепетали с такой силой, что, казалось, его голова вот-вот оторвется от плеч. Персей последовал за товарищем. И

вот, когда они очутились на высоте нескольких сот футов, юноша понял, какое наслаждение чувствовать себя птицей, парящей над хмурой землей.

Между тем наступила ночь. Увидев над собой сияющий диск луны, Персей невольно подумал, что он не желал бы ничего другого, как долететь до луны и навсегда остаться там. В следующий миг он бросил взгляд на землю, на ее моря, озера, серебристые нити рек, белоснежные горы, необъятные равнины, темные леса, города из белого мрамора. Озаренная дремлющей луной земля показалась ему такой же прекрасной, как луна. Вот промелькнул внизу остров Сериф, где жила его мать, Даная.

То и дело перед товарищами возникали облака, казавшиеся издали серебристым пухом. Окунувшись в седую влажную мглу, друзья вмиг промерзали до костей, но полет был так быстр, что уже через мгновение они вылетали из облака на лунный свет. А однажды с невидимым Персеем чуть не столкнулся царственный орел.

Но интереснее всего было любоваться метеорами, которые внезапно, как костры, загорались в небе, заставляя лунный свет бледнеть на сотни миль вокруг.

Несколько раз за время воздушного путешествия Персею казалось, будто он слышит где-то поблизости шелест невидимой одежды, но звук этот раздавался с противоположной от Ртути стороны.

– Я слышу шорох чьих-то одежд. Кто здесь? – спросил юноша у своего спутника.

– Это моя сестра, – отвечал Ртуть. – Она летит вместе с нами и, как я и говорил, будет помогать нам. Без нее мы ничего не сделаем. Ты и представить себе не можешь, как она умна и какие у нее зоркие глаза. Даже в эту минуту она видит тебя так же явственно, как если бы на тебе не было шлема-невидимки. Могу поспорить, она увидит Горгон первой.

Друзья летели так быстро, что вскоре достигли необозримых вод великого океана. Далеко внизу огромные валы то бешено вздымались, то с разбегу бросались на пустынный берег, обдавая скалистые утесы пеной. Рев волн, казавшийся на земле раскатами грома, долетая до ушей Персея, преображался в слабое журчание, напоминавшее лепет спящего ребенка. Вдруг над самым его ухом раздался мелодичный женский голос. Впрочем, звучал он не столько нежно, сколько спокойно и серьезно:

– Персей, Горгоны здесь.

– Где? – воскликнул Персей. – Пока я ничего не вижу.

– На берегу во-он того островка внизу, – отвечал голос. – Брошенный тобою камень попал бы прямо в середину их клубка.

– Я же говорил, что она первая их увидит! – обрадовался Ртуть. – Горгоны действительно здесь!

Внизу, в двух-трех тысячах футов под собой, Персей заметил небольшой островок, о скалистые берега которого с шумом разбивались пенящиеся морские волны. Лишь с одной стороны островка тянулась узкая полоса белоснежного песка. Спустившись пониже и приглядевшись, Персей увидел у подошвы мрачных утесов скопление ужасных Горгон, которые крепко спали, убаюканные шумом моря: чтобы усыпить этих свирепых чудовищ, нужен был грохот, способный оглушить всякое другое существо. Лунный свет сверкал на их стальной чешуе и золотых крыльях, лениво раскинутых на песке. Их ужасные медные когти были выпущены и судорожно царапали размытые волнами обломки скал: быть может, Горгонам снилось, что они разрывают на части какого-нибудь бедного смертного. Змеи, заменявшие им волосы, тоже спали, хотя время от времени то одна, то другая шевелилась, поднимала голову, высовывала раздвоенный язык, злобно шипела, а после снова опускалась на место. Более всего Горгоны напоминали ужасных гигантских насекомых – огромных златокрылых жуков или стрекоз, красивых и уродливых одновременно. Только они в тысячу или даже в миллион раз превосходили их ростом. Несмотря на это, они были чем-то похожи на человека. К счастью, спали Горгоны лицом вниз, и Персей не встретился ни с одной из них взгля-

дом. А ведь юноше достаточно было лишь на мгновение заглянуть чудовищу в глаза, чтобы тотчас камнем рухнуть с небес на землю.

– Пора! – продолжал Ртуть, круживший вокруг Персея. – Пришло время совершить подвиг! Поторапливайся! Если проснется хоть одна из Горгон, будет поздно!

– На какую из них я должен напасть? – спросил Персей, обнажая меч и начиная спускаться. – Все трое очень похожи друг на друга, у всех змеи вместо волос. Которая из них Медуза?

Следует заметить, что только одно из этих драконообразных чудовищ называлось Медузой, и лишь ее голову Персей мог отрубить. Что касается двух других Горгон, то хоть у юноши и был самый острый меч из всех когда-либо выкованных, он не причинил бы им ни малейшего вреда.

– Будь осторожен, – произнес спокойный голос, который Персей уже слышал раньше. – Одна из Горгон шевелится во сне, словно хочет перевернуться:

это Медуза. Не смотри на нее, не то обратишься в камень. Следи за ее отражением в твоем щите.

Только теперь Персей понял, почему Ртуть так настойчиво советовал ему отполировать щит: глядя в него, можно было без опаски наблюдать за Горгоной.

И вот это страшное лицо, озаренное лунным светом, отразилось в щите, как в зеркале. Змеи, ядовитая природа которых не давала им уснуть, причудливо вились вокруг головы Медузы, обрамляя самое свирепое лицо, какое только может представить себе испуганное воображение, и, что самое странное, эти чудовищные черты не были лишены некой первобытной красоты. Глаза Медузы были закрыты, и, казалось, она была погружена в глубокий сон, хотя тревожное выражение, застывшее на ее лице, говорило о том, что чудовище чем-то обеспокоено. Оно скрежетало зубами, а его медные когти яростно разрывали песок.

Казалось, и змеи разделяли беспокойство Медузы. Они вились беспорядочными клубками, корчились и, не открывая глаз, поднимали вверх сотни шипящих голов.

– Пора, пора! – подгонял Ртуть. – Нападай на чудовище!

– Не торопись, – серьезно добавил мелодичный голос рядом с юношей. – Когда полетишь вниз, все время смотри в щит, чтобы не промахнуться!

Персей стал осторожно спускаться, не сводя глаз с отраженного в щите лица Медузы. Чем ниже он спускался, тем ужаснее становились змеи на голове чудовища, не говоря уж о теле Горгоны, которое теперь казалось невероятно огромным. Наконец, находясь на расстоянии вытянутой руки от цели, Персей взмахнул мечом. Змеи на голове Горгоны угрожающе зашевелились, и Медуза открыла глаза. Но она проснулась слишком поздно: молниеносный удар меча отделил ее голову от туловища.

– Восхитительный удар! – воскликнул Ртуть. – Скорее прячь голову в волшебную сумку!

К удивлению Персея, маленькая замшевая сумка, что висела у него на шее, разом сделалась достаточно большой, чтобы вместить голову Медузы. В одно мгновение Персей схватил голову с копошащимися на ней змеями и сунул в сумку.

– Дело сделано, – произнес спокойный голос. – Теперь улетай, ведь остальные Горгоны непременно постараются отомстить за смерть сестры.

И действительно, нужно было спешить, так как удар меча, шипение змей и тяжелое падение головы Медузы на прибрежный песок – все это разбудило оставшихся в живых чудовищ. Они подняли головы и принялись спросонок протирать глаза, в то время как змеи на их головах беспокойно зашевелились и зашипели от злобы. Когда Горгоны увидели обезглавленное тело Медузы и ее распростертые на песке смятые золотые крылья, они подняли ужасный вой и крики, змеи на их головах яростно зашипели, и тем же отвечали им змеи Медузы из волшебной сумки.

А потом Горгоны поднялись в небо. Они размахивали медными лапами, скрежетали зубами и яростно хлопали огромными крыльями, так что несколько золотых перьев даже упали на землю, где они, быть может, лежат и по сей день. Горгоны кружили в воздухе и таращили глаза, в надежде превратить кого-нибудь в камень. Если бы Персей взглянул им в лица или попался в их лапы, бедной Данае не удалось бы более обнять своего сына. Но юноша изо всех сил старался смотреть в противоположную сторону, а благодаря шлему-невидимке Горгоны не знали, где его искать. Когда крылатые сандалии подняли Персея на милю или более того в небо, куда не долетали крики чудовищ, юноша поспешил на остров Сериф, чтобы вручить голову Медузы царю Полидекту.

У меня нет времени рассказывать вам о подвигах, совершенных Персеем на обратном пути, например, о том, как Персей воспользовался ужасным свойством головы Горгоны и убил страшное морское чудовище как раз в ту минуту, когда оно собиралось проглотить прекрасную молодую девушку, или о том, как он превратил свирепого великана в каменную гору. Тот, кто сомневается в последней истории, может отправиться в Африку и собственными глазами увидеть гору, которая до сих пор носит имя того великана.

Наконец храбрый юноша очутился на острове Сериф и поспешил повидать свою дорогую мать. Однако пока он странствовал, злой царь Полидект так дурно обращался с Данаей, что вынудил ее бежать из дома и искать убежища в храме. Добрые жрецы того храма чрезвычайно ласково отнеслись к женщине. Эти жрецы да рыбак, который первым оказал гостеприимство Данае и маленькому Персею, выброшенным на берег Серифа, были, кажется, единственными людьми на всем острове, которые старались делать добро. Остальные обитатели Серифа, равно как и сам царь Полидект, отличались дурным характером и вряд ли заслуживали лучшей участи, чем та, которая постигла их впоследствии.

Не найдя матери дома, Персей отправился во дворец и был немедленно принят царем. Полидект не особенно обрадовался юноше: злой царь был почти уверен, что Горгоны давно уже разорвали его на клочки и съели. Однако, увидев Персея целым и невредимым, он вынужден был скрыть недовольство и приступил к расспросам:

– Исполнил ли ты свое обещание? – обратился Полидект к юноше. – Если нет, это дорого тебе обойдется. Мне нужен свадебный подарок для прекрасной царевны Гипподамии, а голове Медузы она бы чрезвычайно обрадовалась.

– Да, исполнил, – спокойно отвечал Персей, как будто для юноши не было ничего удивительного в его подвиге. – Я принес тебе голову Горгоны.

– В самом деле?! В таком случае я должен видеть ее! – воскликнул царь Полидект. – Вероятно, это прелюбопытное зрелище, если только рассказы путешественников о Горгонах правдивы!

– Ты прав, царь, – согласился Персей. – Голова Медузы способна произвести впечатление на кого угодно. Если ты ничего не имеешь против, объяви, чтобы в ближайший праздник все твои подданные собрались посмотреть на эту диковинку. Я полагаю, лишь немногие из них когда-либо видели голову Горгоны и вряд ли увидят ее впредь.

Царь хорошо знал, что большинство его подданных никуда не годные бездельники, которые любят ротозейничать, как и все праздные люди. Поэтому он последовал совету юноши и разослал во все концы гонцов и вестников, чтобы они трубили в трубы по ули-

цам, площадям и перекресткам, созывая жителей во дворец. Вскоре у стен дворца собрался всяческий сброд, причем в силу своей природной озлобленности большинство из них были недовольны возвращением Персея – их куда больше обрадовало бы известие о том, что он погиб в схватке с Горгонами.

Если на острове и были хорошие люди (а я надеюсь, что таковые были, хотя история об этом умалчивает), они, вероятно, сидели по домам, занимаясь собственными делами и заботясь о детях. Так или иначе во дворец пришла большая часть жителей острова и каждый шумел, толкался и бранился, стараясь подойти поближе к Персею, державшему в руках сумку с головой Медузы.

Рядом с Персеем на особом возвышении сидел царь Полидект, окруженный своими советниками и приспешниками. Царь, советники, царедворцы и народ – словом, все присутствующие с нетерпением смотрели на Персея.

– Покажи нам голову, покажи нам голову! – ревела толпа, словно собиралась разорвать юношу на части, если он не удовлетворит ее любопытство. – Покажи нам голову Медузы со змеиными волосами!

Внезапно сердце Персея наполнилось жалостью к этим людям и он воскликнул:

– О, царь Полидект, и все вы, пришедшие сюда! Мне очень не хочется показывать вам голову Горгоны!

– Ах ты, негодный плут! – разбушевалась толпа еще неистовее. – Он просто смеется над нами! У него нет никакой головы Горгоны! Покажи нам голову, если она действительно у тебя, не то твоя собственная голова заменит нам мяч!

Приближенные уже нашептывали царю разные дурные советы, многие придворные во всеуслышание заявляли, что Персей выказал неуважение к их царственному повелителю. Наконец царь Полидект махнул рукой и приказал Персею показать собравшимся голову Горгоны.

– Покажи голову Медузы или я прикажу отрубить твою собственную!

Персей тяжело вздохнул, но все еще медлил.

– Сию минуту, или ты умрешь! – повторил Полидект.

– Ну, так смотрите же! – воскликнул юноша.

Он высоко поднял голову Медузы, и в мгновение ока злой царь Полидект и все собравшиеся у стен дворца превратились в каменные изваяния, которые навсегда застыли в том положении, в котором их застала смерть.

Достаточно было одного взгляда на ужасную голову Медузы, чтоб превратиться в белоснежный мрамор!

А Персей сунул голову в сумку и отправился к своей дорогой матери Данае. Теперь она могла более не бояться злого царя Полидекта.

Терраса Тэнглвуда. Послесловие

– Не правда ли, я рассказал вам прелестную историю? – спросил Юстес.

– О, да, да! – воскликнула Маргаритка, хлопая в ладоши. – Как смешны эти старухи с одним глазом на троих. Я никогда ничего интереснее не слыхала!

– Ну а в том, что у них был один зуб на троих и они им обменивались, ничего удивительного нет, – заметила Мальва. – Должно быть, зуб был просто-напросто вставной… Но зачем ты переименовал Меркурия в Ртуть и придумал ему какую-то сестру? Это, право, смешно!

– А разве у него не было сестры? – спросил Юстес Брайт. – Гордой девушки с совой на плече? Если не было, я могу ее придумать.

– Ну, хорошо… – вздохнула Мальва. – Так или иначе, ваш рассказ разогнал туман.

И в самом деле, пока Юстес рассказывал, туман рассеялся. Окрестности теперь были как на ладони, и детям на миг показалось, что они видят их первый раз в жизни. В полумиле от них на дне долины блестело озеро, над спокойной зеркальной гладью которого, отражавшей лесистые берега и вершины холмов, не проносилось ни малейшего ветерка. За озером поперек долины тянулся величественный Моньюмент Маунтин. Юстес Брайт сравнил его с огромным обезглавленным сфинксом, закутанным в персидскую шаль. И действительно, осенний наряд обрамлявших его склоны лесов был так богат и ярок, что сравнение с шалью отнюдь не было преувеличением. Кроны деревьев, что росли внизу между Тэнглвудом и озером, были окрашены в золотистый и темно-коричневый цвета, так как они больше пострадали от холода, нежели деревья на холмах.

Всю эту картину озарял живительный солнечный свет, который, смешиваясь с остатками тумана, становился необыкновенно мягким и нежным.

О, какой славный день обещало это утро! Дети подхватили свои корзиночки и кто вприпрыжку, кто пританцовывая, кто бегом устремились навстречу этому дню. А кузен Юстес, словно в доказательство своего неоспоримого права руководить детворой, старался превзойти всех шалостями и дурачествами и выделывал такие замысловатые коленца, которых не мог повторить никто.

Позади всех степенно выступала старая собака по имени Бен, один из самых умных и почтенных обитателей дома. Казалось, доброе животное считало своим долгом не доверять детей такому ветреному опекуну, как Юстес Брайт.

Золотое прикосновение

Тенистый ручей. Предисловие к «Золотому прикосновению»

А к полудню наша юная компания обосновалась в долине, посреди которой бежал небольшой ручей. Крутые берега этого узенького ручейка густо поросли орешником и каштанами, среди которых высились несколько дубов и кленов. Летом ветви деревьев переплетались над водой, доставляя такую густую тень, что даже в полдень под ними было темно, как в сумерки. Недаром ручей назывался Тенистым. Но с тех пор, как в этот уединенный уголок прокралась осень, зелень листьев мало-помалу сменилась золотом, которое ярко горело на солнце и уже не давало тени. Казалось, даже в этот пасмурной день ярко-желтые листья залиты солнечным светом. Несметное множество пронизанных солнцем золотых листьев усыпало русло и оба берега ручья. Тенистый уголок, где летом было прохладно, стал теперь самым солнечным местом, какое только можно было найти. А крошечный ручей все бежал по золотому руслу, то останавливаясь, чтобы образовать пруд, в котором весело резвились пескари, то быстро катясь дальше, будто спешил добраться до озер. Порой он забывал посмотреть, куда течет, и натыкался на стволы деревьев, преграждавших ему дорогу. Вы, наверное, рассмеялись бы, услыхав, как он роптал и сердился в таких случаях, а вновь пустившись в путь, продолжал разговаривать сам с собой, словно от смущения.

Воображаю, как он удивился, найдя свою тенистую лощину ярко освещенной и услыхав веселый детский смех и болтовню. Должно быть, именно поэтому он так торопился спрятаться в озеро.

В этот день Юстес Брайт и его маленькие друзья пообедали в долине Тенистого ручья. Они прихватили из Тэнглвуда массу вкусных вещей, расположились кто на пнях, кто на траве и устроили настоящее пиршество, после которого никому ничего не хотелось делать.

– Мы будем отдыхать, а Юстес расскажет нам одну из своих чудесных сказок, – заявили дети.

Но в это утро кузен Юстес превзошел сам себя и устал не меньше детей. Одуванчик, Клевер, Маргаритка и Лютик почти не сомневались, что у него есть крылатые сандалии вроде тех, что нимфы дали Персею: иначе как бы ему удалось оказаться на макушке орешника, если всего минуту назад он был на земле?

Юстес устраивал настоящий ореховый дождь, и дети едва успевали собирать орехи в корзинки. В это утро Брайт неоднократно выказывал проворство белки или обезьяны, но теперь, растянувшись на куче желтых листьев, он явно намеревался отдохнуть.

Однако дети безжалостны и не обращают внимания на чужую усталость. Лишь только вам удается улучить свободную минуту, как они уже требуют, чтобы вы посвятили ее рассказыванию сказок!

– Кузен Юстес, – обратилась к юноше Маргаритка, – сказка о голове Горгоны очень интересна. А вы могли бы рассказать нам другую, такую же славную сказку?

– Да, дитя, – сказал Юстес, надвигая шляпу на глаза. – Если захочу, я расскажу вам целую дюжину таких сказок и даже лучше.

– Слышите, Барвинок и Мальва, что он говорит? – воскликнула Маргаритка, прыгая от радости. – Кузен Юстес готов рассказать нам дюжину историй, еще более интересных, чем сказка о голове Горгоны.

– Пока я не обещал рассказать ни одной, глупышка Маргаритка, – слегка раздраженно заметил Юстес. – Впрочем, одну я, так и быть, расскажу. Вот что значит снискать некоторую известность. Право, я бы предпочел не быть таким умным и не иметь и половины тех талантов, которыми меня одарила природа. Вот тогда никто не помешал бы мне спокойно вздремнуть!

Но, как я уже упоминал ранее, кузен Юстес любил рассказывать не меньше, чем дети – слушать. Он очень радовался гибкости и легкости своей фантазии, которая охотно работала без какого-либо воздействия извне.

Поэтому юношу не пришлось более уговаривать и он принялся рассказывать сказку, которая пришла ему в голову, пока он смотрел на верхушки деревьев и любовался тем, как прикосновение осени превращает зелень листьев в золото. А ведь это превращение, которое не раз наблюдал каждый из нас, ничуть не менее удивительно, чем то, о котором поведал Юстес.

Золотое прикосновение

Однажды много лет назад жил на свете один богатый человек. Он был царем и звали его Мидас. У него была маленькая дочь, о которой никто не слыхал, кроме меня. Ее звали… но я то ли никогда не знал, то ли совершенно забыл ее имя. Будем называть ее Хризантема, так как я очень люблю странные имена у маленьких девочек.

Больше всего на свете царь Мидас любил золото. Он и свою царскую корону ценил главным образом за то, что она была сделана из этого благородного металла. Лишь свою маленькую дочь царь любил так же или почти так же, как золото. Но чем сильнее он ее любил, тем больше жаждал богатства. «Лучшее, что можно сделать для Хризантемы, – думал Мидас, – оставить ей гору золотых сверкающих монет, величайшую из когда-либо собранных со дня сотворения мира». И он всецело посвятил себя этой цели. Если взгляд царя Мидаса случайно падал на золотистые от заката облака, ему невольно хотелось, чтобы облака эти действительно были из золота и их можно было спрятать в сундук. Когда Хризантема бежала к нему навстречу с охапкой лютиков и одуванчиков, он обычно говорил: «Фи, дитя мое! Если бы эти цветы на самом деле были золотыми, тогда, пожалуй, еще стоило их срывать».

До того как Мидас окончательно отдался безумной страсти к собиранию богатства, он очень любил цветы. Он даже разбил великолепный цветник, в котором росли самые крупные и душистые розы, какие когда-либо появлялись на земле. Эти розы и теперь еще цвели в царском саду, такие же крупные, красивые и душистые, как и в то время, когда Мидас часами любовался ими в саду, с наслаждением вдыхая чудный аромат. Но если он бросал взгляд на свой цветник теперь, то лишь для того, чтобы вычислить, во сколько оценили бы этот сад, если бы каждая из его бесчисленных роз была сделана из золота. И хотя раньше Мидас очень любил музыку (несмотря на глупые россказни о его ушах, которые якобы походили на ослиные), теперь единственной музыкой для него сделался звон монет.

Наконец (так как с годами люди всегда делаются глупее, если только не стараются поумнеть), Мидас дошел до того, что не хотел ни смотреть, ни касаться какого-либо пред-

мета, если только он не был из золота. Большую часть дня он обыкновенно проводил в мрачном подземелье, где прятал свое богатство.

В это подземелье, весьма напоминавшее собою темницу, Мидас спускался всякий раз, когда ему хотелось доставить себе особенное удовольствие. Тщательно осмотрев двери, он брал мешок с монетами или золотую чашу величиной с умывальницу, или массивный золотой слиток, или пригоршню золотого песка и выносил их из темных закоулков подземелья на узенькую полоску солнечного света, которая падала из крошечного окошечка сверху. Кажется, и солнечный свет Мидас ценил только потому, что без него сокровища не могли сиять. Затем он принимался пересчитывать монеты в мешке, подбрасывать и ловить золотой слиток, просеивать золотой песок сквозь пальцы, любоваться странным отражением своего лица в сверкающей поверхности чаши. «О, Мидас, богатый царь Мидас, какой ты счастливый человек!» – шептал он в упоении. Было смешно наблюдать за тем, как отражение его лица на полированной чаше передразнивало его улыбку, словно понимая всю странность царского поведения и подшучивая над ним.

Хотя Мидас и называл себя счастливым, он все-таки отнюдь не чувствовал полного удовлетворения. Впрочем, оно могло наступить лишь в том случае, если бы весь мир превратился с одну огромную сокровищницу, до краев наполненную желтым металлом, безраздельно принадлежавшим ему одному.

Теперь я должен напомнить моим маленьким слушателям, что в то время, когда жил царь Мидас, случалось множество событий, которые удивили бы нас, если бы произошли в наше время. В свою очередь и теперь случается многое, чему мы нисколько не удивляемся, но люди прошлого наверняка вытаращили бы глаза от изумления. Наше время, пожалуй, самое удивительное из всех, но я не буду останавливаться на этом и возвращусь к рассказу.

Однажды Мидас по обыкновению любовался своими сокровищами, как вдруг почувствовал чье-то присутствие за спиной. Он быстро поднял голову и в узкой полосе солнечного света увидел незнакомца – высокого румяного юношу, на лице которого сияла улыбка. То ли из-за страсти к золоту, то ли по какой другой причине, но Мидасу показалось, что улыбка юноши излучает золотое сияние. Во всяком случае, сокровища Мидаса засверкали еще сильнее, чем прежде, хотя незнакомец и заслонял солнечный свет. Самые темные закоулки подземелья осветились его улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.